

— Цюй... — едва Шуй Цюэ успел выдохнуть первый слог, как его бесцеремонно прервали. Поцелуй был властным и жадным, заставив юношу проглотить имя, так и не сорвавшееся с губ.

Никогда прежде Цюй Цзючао не был столь неистовым.

Он жадно терзал кончик языка Шуй Цюэ. Тот, отвыкнув от подобных ласк, окончательно растерялся, отвечая с детской неуклюжестью. Разгорячённый рот не поспевал за напористым ритмом, а на губах проступала сладкая влага. Председатель, не терпя возражений, слизывал каждую каплю, сплетая их дыхание в единый стон.

В комнату заглядывала луна, играя тенями. Кадык на горле мужчины мерно двигался — вверх, вниз. Слышались влажные всплески, тяжёлые вздохи и тихие, сдавленные всхлипы юноши, доведённого до предела.

Шуй Цюэ звучал как маленький котёнок.

Реальность оказалась куда порочнее фантазий пользователей сети. В глазах общества Цюй Цзючао был благородным и элегантным Бетой, наследником великой семьи. Но этой ночью он, словно вор, забрался по балкону в комнату бывшего парня. Пользуясь силой, развитой годами экстремального спорта, он с лёгкостью прижал хрупкого Альфу к кровати, сминая его губы и упиваясь его беспомощностью.

— Не убегай.

— Дыши.

Он слизнул влагу с уголка губ Шуй Цюэ, чувствуя, как под ним судорожно вздымается грудь юноши.

— Мы столько раз целовались, а ты всё ещё не умеешь дышать носом?

Молодой господин Цюй, казалось, обожал шептать всякие нежности в перерывах между поцелуями. Возможно, он считал это высшим проявлением романтики, но на самом деле он не ждал ответа. Он говорил сам с собой, и ему было всё равно — слушает его Шуй Цюэ или нет.

Ведь в следующую секунду он всё равно целовал его ещё глубже.

Шуй Цюэ не мог пошевелиться: ладони мужчины обхватили его лицо, словно стальные тиски. Челюсти невольно разомкнулись, позволяя чужому языку хозяйничать во рту. Юноше оставалось только судорожно сжимать рукав Цюй Цзючао. Он вцепился в ткань так сильно, что

костяшки пальцев побелели.

Раздался негромкий щелчок. Пуговица на манжете не выдержала и отлетела, затерявшись где-то в складках простыней и ночной тьме.

Лишь когда запахи можжевельного джина и улуна окончательно переплелись, Цюй Цзючао неохотно отстранился. Тонкая серебристая нить, блеснувшая в лунном свете, выглядела томительно и вызывающе.

Растерянный и зацелованный до головокружения, Шуй Цюэ вдруг разозлился. Он инстинктивно замахнулся рукой, но его запястье тут же перехватили.

Цюй Цзючао вскинул бровь, не выпуская его тонкую руку.

— Опять решил наградить меня пощёчиной?

Ради того чтобы удобнее было лезть в окно, он снял очки. Без строгой серебряной оправы черты его холодного лица смягчились. К Шуй Цюэ он всегда относился с несвойственной ему нежностью, совсем не так, как к остальному миру.

— Кто ещё, кроме меня, станет терпеть твой скверный нрав? — заметив недовольство на лице юноши, он снова наклонился и почти невесомо коснулся его губ. Из-за недавних терзаний губы Шуй Цюэ припухли и горели. — Вечно ты устраиваешь этот холодный террор, чуть что — сразу расстаёмся.

«Это неправда», — подумал Шуй Цюэ.

Он не считал свой характер таким уж плохим. И вообще, Цюй Цзючао ошибался. Был коекто, кто после его пощёчины даже глазом не моргнул, заявив, что ему понравилось.

Вспомнив об этом, Шуй Цюэ облегчённо выдохнул. Хорошо, что он не ударил собеседника, а то вдруг и этот окажется извращенцем. Юноша поджал губы, пряча их, чтобы тот снова не принялся его кусать.

Цюй Цзючао принял его молчание за признание вины и продолжил обвинительную речь:

— До тебя не дозвониться, а на том банкете ты и вовсе убежал от меня, как от чумы. — Он прикрыл глаза. Наследник, которого с пелёнок учили сдержанности, впервые в жизни пытался проявить слабость, и это давалось ему с трудом. — Если я в чем-то виноват, просто скажи. Можешь даже ударить или обругать меня, но зачем сразу говорить о разрыве?

— Из-за того, что я не потащил тебя на спине, когда мы искали дорогу в горах?

— Но ты же сам сказал, что не нужно! Неужели вы, Альфы, всегда говорите одно, а думаете другое?

— Или ты у нас какой-то особенный?

Он строил одну догадку за другой. Шуй Цюэ попытался сесть, опираясь на изголовье кровати. Цюй Цзючао внезапно обхватил его лицо ладонями, и его взгляд потемнел.

— Или тебе всё-таки приглянулся этот Се Сянсюнь? Тот запах, что был на тебе... он принадлежал ему?

Зная, насколько этот Альфа хрупкий и нежный, мужчина почти не сжимал пальцы, боясь причинить боль. Но даже при таком осторожном касании мягкие щеки юноши забавно деформировались. Шуй Цюэ, желая поскорее освободиться, отчаянно затряс головой. Непонятно было, какой именно вопрос он отрицает.

Цюй Цзючао вдруг сам успокоился и разжал руки.

— Ладно, это не самое важное.

Альфа и Омега — идеальный союз. По крайней мере, в вопросе гендера он уже обошёл всех остальных конкурентов. В отличие от тех навязчивых Альф, у него было преимущество: Шуй Цюэ поставил ему временную метку. Одно это давало Цюй Цзючао право чувствовать себя увереннее всех.

Юноша давно не стригся, и его волосы заметно отросли. Собеседник запустил пальцы в мягкие пряди и аккуратно заправил их ему за ухо.

Затем его голос стал холодным как лёд:

— Расскажи мне. Кто ещё, кроме того Кэ Сина, издевался над тобой в Линьхае?

Шуй Цюэ замер. Кэ Син был зачинщиком школьной травли во Второй старшей школе Линьхая.

Юноша вызвал в памяти сюжетные фрагменты, которые система передала ему в начале этого мира. Он начал перечислять имена участников травли, загибая пальцы один за другим. Набралось человек семь или восемь. Все они были выходцами из богатых семей Линьхая, привыкшими сбиваться в стаи, чтобы мучить тех, кто слабее.

С каждым новым именем лицо Цюй Цзючао становилось всё мрачнее. Когда он заговорил, казалось, слова вылетают из-под ледяной корки.

— Сун Шуй Цюэ, ты что, дурак? Как ты позволял им так обращаться с собой?

Сказав это, он тут же понял — Шуй Цюэ ничего не мог сделать. Против толпы у этого хрупкого мальчика не было ни единого шанса. При мысли о том, как юноша, должно быть, забивался в угол и тихо плакал после издевательств, мужчина сжал листок, на котором записывал имена. Он смягчил бумагу с такой яростью, будто хотел через пространство и время разорвать этих людей в клочья.

— Когда ты давал мне пощёчину, ты был куда смелее, — заметил он.

Шуй Цюэ виновато принялся ковырять пальцем покрывало. Что поделать — такова была роль.

— Ладно, ты ни в чем не виноват. Это они — мусор... — голос Цюй Цзючао вибрировал от сдерживаемого гнева.

Он разгладил бумагу, аккуратно сложил её и спрятал в карман. Когда он снова заговорил, его тон заметно смягчился:

— Хотя лично я не сторонник самосуда и кровной мести, выходящей за рамки закона, учитывая, сколько времени прошло и как трудно будет привлечь их официально... Мы с Лу Фэнчи пришли к выводу, что необходимы экстраординарные меры.

Последние несколько дней они выслеживали автора того скандального поста. Им оказался Кэ Син, и по ходу дела всплыли все старые грехи Второй школы Линьхая. Лу Фэнчи впал в неистовство, напоминая бешеного пса, но положение семьи Лу не позволяло ему открыто мстить.

У молодого господина Цю таких ограничений не было. Семья Цюй никогда не была кристально чистой, так что любые их методы считались допустимыми. Этим людям всё равно придётся склонить головы и почтительно называть его «молодой господин Цюй».

Впрочем, Шуй Цюэ об этом знать не обязательно.

В тени ночи черты лица мужчины казались размытыми, и только его глаза, устремлённые на юношу, сияли чистотой. Шуй Цюэ непонимающе моргнул. Цюй Цзючао притянул его к себе и, как и прежде, привычно уткнулся лицом в изгиб шеи. Запах жасминового улуна мгновенно успокоил его бушующие нервы.

— Ты не виноват. Всё это в прошлом.

— Шуй Цюэ, ты замечательный. Я хочу, чтобы ты был счастлив каждый день.

Привыкший отдавать приказы и смотреть на всех свысока, перед Шуй Цюэ он чувствовал себя косноязычным. Поэтому он произносил каждое слово медленно и чётко, стараясь вложить в него всю свою поддержку.

И хотя наказание обидчиков было хорошей новостью, юноша не мог радоваться. Каждое доброе слово Цюй Цзючао откатывало прогресс сюжета на один процент. Если так пойдёт и дальше, он упадёт ниже критической отметки в восемьдесят процентов.

Он окончательно осознал: эти люди смотрят на него через какой-то фильтр идеализации. Они всегда находят оправдание его поступкам. Шуй Цюэ был уверен, что в глазах Цюй Цзючао он превратился из безответственного Альфы-изменщика в трагический образ «белого лунного света», вызывающий лишь жалость и желание защитить...

Это было невыносимо. Если он останется здесь дольше, то просто провалит задание. Нужно было срочно покидать этот мир. Осталось последнее дело — выполнить просьбу Вэй Цина, и тогда можно уходить.

Шуй Цюэ решительно стиснул зубы.

Номер 77 поспешил его утешить:

[Ничего страшного, носитель! Первый блин всегда комом. Возможно, я выбрал не самого плохого персонажа — у него слишком печальное прошлое, а к жертвам все относится с сочувствием. Но я уже подобрал тебе следующую работу!]

[В следующем мире ты будешь игроком в «Бесконечной игре», который вцепился в ногу своего новоиспечённого мужа. У твоего персонажа будут проблемы со зрением, и проходить уровни ты сможешь только потому, что муж, игрок Номер 1, будет подкидывать тебе зацепки и жертвовать собой. При этом ты будешь относиться к нему ужасно: постоянный холод, капризы и приказы. Более того, пользуясь авторитетом мужа, ты будешь издеваться над другими игроками.]

[Последователи игрока Номер 1 тебя уже ненавидят, а те, кого ты обидел, мечтают о мести. Как только Номер 1 погибнет, ты в новом подземелье столкнёшься со своими старыми врагами и верными друзьями мужа, которые только и ждут момента, чтобы свести счёты.]

[Твоя задача — быть балластом и тянуть команду на дно. Тебе даже делать ничего не придётся, они сами начнут тебе мстить!]

[Финал закономерен: из-за твоей слабости другие игроки тебя бросят, и ты останешься один на один с Боссом подземелья. Это и будет твоим концом.]

Звучало как действительно необременительная работа — нужно было просто присутствовать.

Но по мере рассказа Номер 77 снова расчувствовался, и его экран покрылся рябью от грусти.

[Прости, носитель, у меня как у системы не самый высокий рейтинг, поэтому мне редко достаются положительные роли...]

«77-й, ты включишь мне блокировку боли?» — спросил Шуй Цюэ.

Номер 77 ответил без колебаний:

[Конечно! Я обновил программу до последней версии! Блокировка боли на все 100%!]

«Тогда ты молодец», — нежно похвалил его Шуй Цюэ.

Из-за присутствия Цюй Цзючао он не мог погладить свой маленький механический шарик.

Юноша не помнил, когда Цюй Цзючао ушёл. Он был слишком измотан, а тихий шёпот мужчины над ухом действовал усыпляюще, и Шуй Цюэ просто провалился в сон. В памяти осталось лишь упоминание о том, что фармацевтическая лаборатория семьи Цюй планирует совместное исследование с зарубежными коллегами по вопросу синдрома расстройства феромонов.

Пятый день периода восприимчивости Сун Циня

Шуй Цюэ заболел. Сначала он просто отказался от завтрака, но к моменту, когда это заметили, у него уже была сильнейшая лихорадка. Сун Цинь поначалу решил, что тот просто капризничает из-за запрета выходить на улицу, и утром силой заставил его немного поесть.

Когда в полдень старший господин постучал в дверь, Шуй Цюэ заперся и отказался спускаться к обеду. Мужчине пришлось воспользоваться запасным ключом. Юноша сидел спиной к нему у кофейного столика и судорожно вытирал лицо руками, его плечи мелко подрагивали.

«Он плачет?»

Взгляд Сун Циня стал стальным. Он быстро подошёл и опустился на одно колено перед столиком.

— Шуй Цюэ...

Маленький Альфа рыдал навзрыд. Слезы катились по его лицу, словно сорвавшиеся с нитки жемчужины, а нежная кожа вокруг глаз сильно покраснела. Он так сильно закусил губу, что на ней остался чёткий след от зубов. Выглядело это так жалко, что сердце мужчины болезненно сжалось. Он замер, не в силах вымолвить ни слова.

Сун Цинь обнял юношу, непрерывно шепча извинения:

— Прости меня, Шуй Цюэ, прости...

«77-й, я стёр крошки от чипсов с губ? — всхлипывая, уточнил Шуй Цюэ. — Быстро ставь фильм на паузу, Сун Цинь пришёл».

Номер 77, не заметивший появления Сун Циня, поспешно остановил «Хатико» и затих, чувствуя свою вину.

Мужчина едва не потерял сознание от ужаса, когда почувствовал, насколько горячее тело юноши. Его руки задрожали, когда он коснулся лба больного. Жар был невыносимым, совсем не похожим на обычную простуду. Глаза Сун Циня налились кровью, лицо стало бледнее, чем у самого пострадавшего. Он в панике вызвал Вэй Цина.

Старший брат перенёс Шуй Цюэ на кровать и бережно уложил. Затем он принёс льда, чтобы хоть немного сбить температуру. Всё это время он хранил мрачное молчание — от колоссального нервного напряжения он почти утратил способность говорить и просто смотрел на юношу, не в силах отвести взгляд.

Мэйцю, почуяв неладное, тоже прибежал наверх и жалобно скулил, вылизывая руку маленького хозяина, свесившуюся с края кровати.

На фоне паникующих мужчины и собаки сам Шуй Цюэ выглядел на удивление спокойным. Он знал, что это за лихорадка — она случалась с ним каждый год в одно и то же время. Видимо, так его организм избавлялся от накопившихся токсинов. Он давно к этому привык. В первые годы в институте исследователи носились с ним, боясь потерять ценный объект, но потом заметили закономерность и оставили его в покое. Ему приходилось в одиночку мучиться в своей комнате, но обычно после сна лихорадка проходила сама собой.

Вэй Цин, приехав, тоже не на шутку испугался. Он просил Шуй Цюэ притвориться подавленным из-за заточения, ну, в крайнем случае, симулировать недомогание, но он и представить не мог, что тот заболит по-настоящему. Он выписал жаропонижающее.

Сун Цинь заставил юношу съесть немного лёгкой каши, после чего оба Альфы внимательно следили, как Шуй Цюэ принимает лекарство.

— Твои таблетки вообще работают? — спросил Сун Цинь. — Почему ему всё ещё так плохо?

Вэй Цин не выдержал:

— Он выпил их меньше двух минут назад! Даже если бы это была волшебная пилюля бессмертия, она бы так быстро не подействовала.

Сун Цинь промолчал, явно сомневаясь в компетентности врача. Вэй Цин нахмурился. Ему надоело смотреть, как тот убегает от реальности.

— И кто его до этого довёл? — резко спросил он. — Я? Или всё-таки ты со своим домашним арестом?

Он говорил жёстко, обвиняя Сун Циня в том, что именно заточение стало причиной болезни. На самом деле это было не так: последние дни мужчина следил за режимом Шуй Цюэ тщательнее, чем тот делал это сам во время учёбы. В любой другой ситуации Сун Цинь потребовал бы доказательств и разбил бы эти аргументы в пух и прах. Но юноша лежал перед ним, тяжело дыша, и его покрасневшие от жара глаза вызывали лишь щемящую боль.

Шуй Цюэ напоминал увядающий цветок, который, как ни старайся, не может ожить в вазе.

На этот раз Сун Цинь не стал спорить. Видя это, Вэй Цин решил ковать железо, пока горячо:

— Та зарубежная лаборатория... они закончили вторую фазу испытаний нового препарата. Результаты впечатляющие. Мой совет — отправь Шуй Цюэ туда на обследование и лечение.

— И ты сам, — он стал серьёзным. — Вэй Сун звонил мне уже много раз. Тебе пора к нему на приём.

Вторая фраза прозвучала как приговор. Вэй Сун был дядей Вэй Цина и самым известным психологом в стране. Именно он занимался проблемами Сун Циня все эти годы.

В комнате воцарилась тишина. Лишь Шуй Цюэ изредка покашливал, а закончив, тихо добавлял: «Со мной всё хорошо», — боясь расстроить брата. Кашель и жар всегда приходили вместе, он уже привык.

— Хорошо, — наконец произнёс Сун Цинь.

Его взгляд встретился со взглядом Шуй Цюэ. Несмотря на заботу юноши, мужчина почти не снимал очки и мало спал в этот период восприимчивости. Под его глазами залегли тени. Белки были испещрены красными сосудами — он выглядел более измотанным, чем сам больной.

Вся эта сцена была лишь поводом, который он использовал в своём состоянии. Но в итоге всё обернулось мучением для него самого. С самого начала он выбрал неверный путь.

Сун Цинь, казалось, хотел многое сказать, но присутствие Вэй Цина мешало ему. Его губы несколько раз шевельнулись, но он так и не заговорил. В конце концов он просто убрал мягкую чёлку со лба Шуй Цюэ и благоговейно коснулся его межбровья поцелуем. Это было мимолётное, почти невесомое касание.

— Шуй Цюэ, — позвал он.

Тот уже проваливался в сон, его глаза слипались. Тем не менее он отозвался:

— М-м-м?..

Но продолжения не последовало. Зачем звать, если молчишь? Даже в таком состоянии Шуй Цюэ нашёл силы обидеться.

«Не хочешь говорить — и не надо...»

И он уснул. Его щёки пылали, влажные ресницы слиплись, и уже через пару секунд он крепко спал.

— В городе S, верно? — Сун Цинь, не мигая, смотрел на спящего.

— Да, — подтвердил Вэй Цин.

Получив ответ, мужчина долго молчал, а затем добавил:

— У семьи Сун там есть поместье. Впрочем... пусть сам выбирает. Может, он захочет жить в квартире. Когда поправится, оформим его в университет AS... Я свяжусь с ассоциацией выпускников.

За окном взлетела птица, прочертив полосу в чистом небе. Ветки деревьев в саду тихо зашуршали. Сун Цинь продолжал планировать будущее Шуй Цюэ в другом городе, ни словом не упоминая о себе.

— Как думаешь... это правильно? — спросил он Вэй Цина.

Тот уже собирал инструменты в чемоданчик.

— Вполне. Там мягкий климат, ему понравится.

Кто знает.

В день отлёта Шуй Цюэ провожал дворецкий. Сун Цинь не пришёл. Он предпочёл в этот день отправиться на приём к врачу, боясь, что если увидит юношу в аэропорту, то снова не сможет его отпустить.

Внизу почти не было ветра, но облака в небе неслись стремительно. Шуй Цюэ, подперев голову рукой, смотрел в окно. Стояла ясная погода, снега не было. На нём был белый пуховик, который выбрал для него Сун Цинь. Юноша снял тёмно-красный шарф, открыв изящную шею. Его дыхание оставляло на стекле белое туманное пятнышко.

Он нарисовал на нём улыбающееся лицо — такое же, как у той разбитой фигурки. Осознав, что это выглядит немного по-детски, он торопливо стёр рисунок, заставив стекло громко скрипеть. Проходившая мимо стюардесса вежливо протянула ему платок.

— Спасибо, — Шуй Цюэ смущённо поджал губы. Девушка понимающе улыбнулась ему в ответ.

Раздался голос из динамиков:

— Дамы и господа, говорит командир корабля. Мы рады приветствовать вас на борту авиакомпании «Дунсин». Наш рейс следует из Хайчэна в город S. Желаем вам приятного полёта.

Самолёт находился прямо над крылом, и при взлёте слышался низкий гул двигателей. Голуби на лётном поле кружили в воздухе. Место напротив него должно было пустовать, но вдруг в проходе показался человек. Игнорируя просьбы стюардессы, он решительно направился прямо к Шуй Цюэ. Юноша поднял взгляд и замер.

Больше всего внимания привлекал тёмно-синий пирсинг в его ухе, ярко сверкавший в лучах дневного света.

[Начало выхода из мира...]

В голове зазвучал голос Номера 77:

[Прогресс сюжета: 81%. Очки альфонса достигли лимита. Расчёт...]

[Ошибка системы. Пересмотр прогресса сюжета. Пожалуйста, подождите...]

[Вторичный расчёт: 100%. Оценка системы: Идеальный исполнитель.]

[Ниже приведены оценки от Наблюдателя 01:]

[Соответствие роли: S]

[Плавность сюжета: S]

[Логичность сюжета: S]

[Потенциал сотрудника: S]

[Комментарий Наблюдателя 01: Исключительно старательный и трудолюбивый малыш. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество. P.S. Первичный расчёт был предвзятым, жалоба в штаб уже отправлена.]

«77-й, — прошептал Шуй Цюэ, словно скрывая свои слова от кого-то невидимого. — У вас же есть система жалоб? Я могу пожаловаться на этого Наблюдателя? У него неподобающее отношение, я больше не хочу с ним работать».

[Дополнительный комментарий Наблюдателя 01: Я всё слышал. :(]

Номер 77 был внезапно вышвырнут из канала связи и так же внезапно возвращён обратно. Впрочем, он успел услышать просьбу хозяина, а хорошая система никогда не подвергает сомнению решения своего подопечного.

[Хорошо, носитель, я подал жалобу от твоего имени! — бодро отрапортовал он. — Если всё пройдёт удачно, в следующем мире у нас будет другой Наблюдатель.]

[Хочешь взять отпуск? Если выберешь отдых сейчас, у тебя будет два дня. Но если отправишься в новый мир сразу, то после него каникулы удвоятся — целая неделя! — воодушевлённо добавил Номер 77. — К тому же это даст дополнительные баллы при выборе „Новичка года“.]

Шуй Цюэ задумался. В последние дни он и так почти ничего не делал, только лежал в кровати и ждал, пока Сун Цинь его покормит... Это было лучше любого отпуска.

«Давай сразу в следующий мир», — решил он.

[Выход из мира завершён.]

В тот самый миг, когда самолёт с рёвом оторвался от земли, Сун Цинь почувствовал странный укол в сердце. Игнорируя неодобрительный взгляд психолога, он прямо во время сеанса

разблокировал телефон.

На заставке красовалось фото, сделанное на Новый год: Шуй Цюэ и Йорк играют в снежки во дворе. Солнечный зимний день, разлетающиеся хлопья снега и сияющая улыбка юноши. У Сун Циня не было ни одной их совместной фотографии. Он боялся, что если они будут в одном кадре, его взгляд выдаст ту запретную любовь, которую он так тщательно скрывал.

Раздался сигнал уведомления. Сун Цинь замер. Это было запоздавшее сообщение.

От Шуй Цюэ.

«Ты — трус. Ты так и не осмелился признаться мне в любви».

<http://bllate.org/book/15811/1434885>